

А. З. ДЕНИСОВ

При изучении жанра духовного стиха проблема литературных источников занимает центральное положение. В то же время, если связи многих духовных стихов с агиографическими памятниками, апокрифами, мифологическими представлениями и народными легендами раскрыты относительно подробно, то вопрос о лингвистических источниках стихов, как правило, остается в тени. Исследования, в которых он затрагивается, немногочисленны. Отдельные наблюдения можно найти в работах А.Н. Веселовского, А.И. Кирпичникова¹. К проблеме исследования лингвистических источников стиха «Плач Адама» обращались В.П. Адрианова-Перетц² и О.А. Савельева³, С.Е. Никитина выделяет в общей системе источников духовных стихов лингвистические тексты⁴.

Жанр духовного стиха, как отмечал еще Ф.И. Буслаев, является своего рода «обобщающей средой», в которой происходит соприкосновение православия и фольклора⁵, и соприкосновение это не могло не охватывать в полной мере все «составляющие» русской православной культуры.

Задача настоящей статьи — исследование лингвистических источников некоторых духовных стихов, связанных с событиями Страстной седмицы. Отдельную группу образуют стихи, посвященные одному из эпизодов Страстей Христовых, — Плачу Богородицы. Их композиционная схема имеет следующий вид:

- 1) описание места действия;
- 2) собственно Плач.

Не упоминаемый в евангелиях, Плач занимает в службах Страстной седмицы особое и весьма значительное место, представляя собой своего рода лирический комментарий к трагедии Голгофы. Наиболее яркое поэтическое воплощение Плача — канон Симеона Логофета (Х в.) «О распятии Господни и на плач Пресвятая Богородицы», читающийся на повечерии Великой пятницы перед плащаницей⁶. Фактически стих «Плач Богородицы» представляет собой своеобразное поэтическое переложение этого канона⁷:

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ДЕНИСОВ, преподаватель; Санкт-Петербургская консерватория

ЛИТУРГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ НЕКОТОРЫХ ДУХОВНЫХ СТИХОВ О СТРАСТЯХ ХРИСТОВЫХ

Стих «Плач Богородицы»	Канон повечерия Великой пятницы
<p>«Увы, сыне мой, Свету творец! Увы, чадо мое Неповинен еси, На кресте распят бысть! Увы, сыне мой, Свету творец! На кого оставил Матерь свою? Увы, чадо мое, И не терплю тя видети Сына своего, На кресте висяща! Увы, чадо мое, Уже радость Не приидет ко мне, Всевышнего творца Рождшения! Увы, чадо мое!»⁸</p>	<p>«Дивлюся зрящи тя преблагой боже, и прещедрый господи, без славы, и без дыхания, и безобразна, и плачуща держащи тя, яко ненадеяхся увы мне, видети тя сыне мой и боже» — второй тропарь шестой песни. «Вижу тя ныне возлюбленное мое чадо и любимое, на кресте висяща, и уязвляюся горце сердцем...» — второй тропарь первой песни. «...Увы мне, что вижу! Камо идеши ныне сыне мой, а мене едину оставляеш» — третий тропарь седьмой песни. «Радость мне николиже отселе прикоснеться, рыдающи глаголаше непорочная: свет мой и радость моя во гроб зайде: но не оставлю его единаго, где же умру, и спогребуся ему»⁹ — первый тропарь девятой песни.</p>

Канон «О распятии Господни» — не единственный источник образной системы стиха. А.И. Кирпичников находит в нем воспроизведение иконописного образа «Снятие Спасителя со креста»¹⁰. В этом стихе присутствует также воспроизведение лингвистической ситуации, зрительного облика службы повечерия Великой пятницы, во время которой канон читается над лежащим в храме образом гроба (см.: «В городе Русалиме / Стояла церква муруванныя / Моруванныя побеленная / В середине ее престол стоял / А на престоле Христос лежал»¹¹). Таким образом, в «Плаче Богородицы» совмещаются ситуация, описываемая в богослужебных текстах (время историческое), и ситуация самого богослужения (время лингвистическое): первая перенесена, «встроена» во вторую¹².

Следует отметить, что в первом разделе (описание места действия) в разных версиях стиха могут описываться разные же события. В одной из версий Бон-

городица приходит не в храм, а ко кресту, на котором распят Христос, и плач происходит около него: «Иосиф прииде / Во Иерусалим / И обрете Христа. / На кресте распята / И Марию, мать Его / Со единым учеником, / Горько рыдающе...»¹³. В этом случае в стихе отображается зрительный образ не повечерия, а утрени Великой пятницы, когда перед крестом читаются евангелия Страстей — стих содержит развернутую евангельскую сцену у Распятия, воспроизведя сюжет 9-го евангелия («Стояху при кресте Иисусови Мати его...»). Напомним, что отсутствующий в евангелии Плач представлен в богослужебных текстах Великой пятницы (например, икосе, стихирах на стиховне и на хвалитех утрени), которые часто комментируют, дополняют содержание евангельских чтений, в стихе же он приобретает роль самостоятельного «участка действия». Таким образом, 9-е евангелие определяет «ход событий» в стихе, тексты же стихир утрени и канона повечерия «созда-

ют» в евангельской сюжетной схеме развернутые фрагменты высказываний Богородицы. Их воздействие на евангельскую сюжетную схему оказывается настолько сильным, что она трансформируется и сокращается: в евангелиях Иосиф приходит испросить тело Спасителя *после его смерти*, в стихе — к Распятию. Одна из причин этой трансформации — своеобразная «нелинейность» богослужебного времени: например, на утрене Великой пятницы 11-е евангелие повествует об Иосифе и погребении, а следующие *после него* стихиры на стиховне — о распятии и о Богородице у креста. Поэтому заключительная часть стиха также содержит Плач: осуждение воина Богородицей, ее скорбь о смерти Христа и мольбы отдать тело Спасителя (в евангелиях отдать тело Христа просит Иосиф).

С событиями Страстной седмицы связано содержание и стихов, получивших название «Сон Богородицы». Их композиционная схема выглядит так:

1) обращение Христа к Марии (Христос спрашивает у Марии о том, что она увидела во сне);

2) ответ Марии: ее рассказ об увиденных во сне грядущих событиях — страданиях и смерти Христа;

3) Христос вновь обращается к Марии со словами утешения, также предвозвещая будущие события.

В работах, посвященных этим стихам, как правило, раскрывается их связь с текстами так называемой «успенской» тематики. Так, А.Н. Веселовский пишет, что одним из источников стиха является вступление к апокрифу об Успении Марии¹⁴; И. Порфириев считает, что на данный стих оказало влияние Слово Иоанна Богослова на Успение Богородицы, вошедшее также в тексты канонов Успения¹⁵.

У стиха «Сон Богородицы» есть также группа источников, связанных с темой страданий, смерти и погребения Христа. В це-

лом, в тексте стиха можно выделить три сюжетных плана: диалог Богородицы и Христа; события жизни Христа, описываемые в диалоге (рождество, страдания и смерть, воскресение); сон Богородицы, в котором она увидела эти события.

Диалог в стихе содержит многочисленные структурные и лексические параллели с 9-ю песнями канонов повечерия Великого пятка и утreni Великой субботы, также построенными в форме диалога между Христом и Богородицей¹⁶ (см. таблицу).

Другие источники диалога — апокрифы, содержащие мотив предсказания будущих страданий и распятия Христа: «Божия мать однажды споткнулась о треблаженное древо и сказала: «О треблаженное древо, на тебе будет распят Мой Сын», а Спаситель сказал при этом: «Правда!»¹⁷. Диалог Христа и Марии входит также в

состав апокрифа «Хождение Богородицы по мукам» и стиха о Страшном Суде: «Проглаголет Господи ко матери / со престолу со Божьим: / «О ты, Мати моя все-петая, / Госпожа, Владычице и Богородица! / <...> Да можешь ли, Мати, меня видеть / Во-вторые на Христово на распятии?» <...> Проглаголет мати всепетая: / «Иисус Христос пресладкий сын...»¹⁸. Апокриф «Хождение Богородицы» включает описание страданий Христа как событий давно прошедших: «И сказал Господь: «...Когда я не захотел увидеть [грешных], мучимых дьяволом, то сошел на землю и воплотился в девицу, взошел на крест, чтобы освободить [людей] от неволи, от первородного проклятия. Я просил воды, а мне [люди] дали желчи <...> Своими руками Я создал людей, а [люди] во гроб положили Меня. Я же во ад сошел и врага Своего победил, избранных Своих воскресил и Иордан bla-

Стих «Сон Богородицы»	9-я песнь канона провечерия Великого пятка	9-я песнь канона утreni Великой субботы
<p>«Пресвятая мати Мария, Пречудная Дево, Пресвятая! Где же ты ночесь почевала Где же ты ночесь опочивала?» — «Спала я ночесь, почевала Во граде я в Вифлееме, Во святой горе да во вертепе. Мало мне почесь присыпалось, Много во сне привиделось. Чуден я сон, спавши, видела: Как бы я тебя, чадо, спородила, ... «Не плачь-ко ты, мати Мария, Воистину сон твой неложен. Не скорби бело лико, Не трать, мати, белых очей, Воистину сон твой неложен. Быть мне, матушка, воспяту, Быть мне у князя <...> Пилата. На первой день меня замучат, На другой день меня, матушка, зароют, На третий день, матушка, воскресну, На небеса вознесусь с ангелами, С херувими-серафимы. Сам я по твою, мать, душу буду, Сам со телес душу сниму; Напишу твое лицо на икону, Разнесу во божью церковь за престолы, Тебя будут, мати, свеличати, Меня, Христа, прославляют во веки!»¹⁹.</p>	<p>[Мария:] «Радость мне николиже отселе прикоснется, рыдающи глаголаше непорочная: свет мой и радость моя во гроб зайде: но не оставлю его единаго, где же умру, и спогребуся ему».</p> <p>[Христос:] «О како утаилася тебе есть бездна щедрот, матери в тайне изрече господь; тварь бо мою хотя спасти, изволих умрети, но и воскресну, и тебе возвеличу, яко бог небесе и земли».</p> <p>[Мария:] «Воспою милосердие твое человеколюбче, и покланяюся богатству милости твоей владыко: создание ботвое хотя спасли, смерть подъял еси, рече пречистая, но воскресением твоим спасе, помилуй всех нас!»¹⁸.</p>	<p>[Христос:] «Не рыйдай мене мати, зрящи во гробе, егоже во чреве без семене зачала еси сына: востану бо и прославлюся и вознесу со славою, непрестанно яко бог, верою и любовию тя величающий».</p> <p>[Мария:] «В страннем твоем рождестве, болезней избежавши паче естества, ублажихся безначально сыне, ныне же тя боже мой, бездыханна зрящи мертвa, оружием печали растерзаюся люте: но воскресни, яко да возвеличуся».</p> <p>[Христос:] «Земля покрывает мя хотяща, но устрашаются адовы вратницы, одеяна видяще одеждю окровавленною мати, отмщения: враги бо крестом поразив яко бог, воскресну паки, и возвеличу тя»¹⁹.</p>

«Словил»²². В эсхатологических апокрифах иногда можно встретить указание и на то, что хождение Богородицы по мукам²³ совершается во время ее сна — отдельные списки апокрифов называются «Сон Богородицы»²⁴.

Собственно *сон* Богородицы в стихе часто предстает как ее Успение. В отдельных версиях стиха Богородица спит в храме на престоле: «Во той в апостольской церкви / Спала матушка Мария на престоле, / Пречистая дева непорочная»²⁵; чаще всего об Успении говорит сам Христос в конце стиха: «Сам я по твою, мать, душу буду, / Сам со телес душу сниму»²⁶. Появление успенских мотивов во многом связано не только с существованием указанных выше источников (вступление к апокрифу об Успении Марии, Слово Иоанна Богослова на Успение Богородицы), но и с параллелизмами между богослужениями последних дней Страстной седмицы и Успения²⁷. В первую очередь, это событийные параллели: погребение Марии (как и Христа) в Гефсимании, исчезновение ее тела через три дня, явление Богородицы апостолам; кроме того, утrenя Великой субботы и чин погребения плащаницы Богородицы построены по одной и той же модели, входящие в их состав богослужебные тексты содержат многочисленные лексические параллели.

Литургические тексты Страстной седмицы образуют «мост», через который в стих «Сон Богородицы» проникают эсхатологические мотивы: как и Успение Богородицы, смерть Христа — также представляется как сон²⁸, разделяющий страдания и Воскресение; во время этого сна и происходит сошествие Христа во ад. Некоторые параллели между «Сном» и эсхатологическими апокрифами уже были приведены выше; отметим здесь только то, что они нередко возникают уже в самом начале стиха: «Опочивала Пресвятая Богородица в земле Бреданской, / На горе Олевной <...> Глагола Пресвятая Богородица: / Сыне возлюбленный!»²⁹; ср. с апокрифом: «Благовесты свята Богородица взыде на гору Елеонсцеи. И поклонисе к Господу и рече: Господи Боже мой...»³⁰.

Связь стиха с эсхатологическими апокрифами обусловлена существующей в христианском мировоззрении символической соотнесенностью Воскресения Христа и его последнего пришествия (Христос победил ад при Воскресении, открыв врата новозаветного спасения, и при втором пришествии окончательно воцарится на земле, открыв врата новому царству). Благодаря этой соотнесенности в некоторых версиях стиха «Сон Богородицы» появляется описание сошествия Христа во ад в эсхатологическом контексте (Христос судит праведных и грешных после своего Воскресения): «Пришел час воли Божия — / В третий день Христос воскресе: / Каменные горы раскатилися, / Желты пески рассыпались, / И плещеница раскрывалася, / И обручи развалились. / Вставал наш батюшка / Истинный Христос, Отец небесный, / Ни в живых он и ни в мертвых. / Пошел он в адю / В адии двери отворилися, / На правую сторонушку пошатились, / Грешные на левую, / Праведные на правую»³¹.

Стихи третьей группы интересующей нас тематики — «О жене милостивой» — имеют достаточно развернутую композицию:

1) рождение Христа; мучители ищут Христа, чтобы его убить;

2) бегство Богородицы и Христа; они встречают жену милосердную; Мария обращается к ней с просьбой взять Христа, а своего младенца бросить в огонь;

3) приход мучителей; их разговор с женой милосердной, уверяющей, что она бросила Христа в огонь; радость мучителей;

4) жена милосердная скорбит о своем младенце, но видит, что он пребывает невредим в печи.

В начале стихов описывается, как сразу после рождения Христа его ищут убить «окаянные супостаты»: «как родился Христос в Вифлееме, / Как крестился наш Спас в Иордане / антихристы его замечали...»; «Во славном во граде Вифлиеме / Народился Иисус Христос Сын Божий <...> окоянны супостаты, / Стали Христа Бога познавати / И

хотя Христа Бога поймати, / Всей разной мукой предати»; «Окаянные супостаты / В след за Христом Богом бежали, / С оружием, с копьем железным»³³. Нетрудно заметить, что этот фрагмент стиха воплощает как рождественский, так и страстной сюжеты. Далее описывается бегство Богородицы с младенцем и ее обращение к жене милосердной: «Положи ты своего младенца во печь-пламя, / А возьми Христа Бога на руки»³⁴. Происходящий затем диалог жены милосердной и супостатов вначале отсылает к событиям Рождества, а в конце — Страстей: «И заслоном заслоняли, / И полужонными гвоздями прибивали»; «Железным заслоном заслоняли, / Крепки караулы приставляли». Здесь возникает следующая параллель: пещь — гробница (и соответственно стража у пещи и у гроба). Сопоставления подобного рода можно найти и в богослужебных текстах: ветхозаветные три отрока, вверженные в пещь за истинную веру, прообразуют Христа, погребенного ради спасения мира: «неизреченное чудо, в пещи избавивый преподобный отроки из пламени, во гробе мертв бездыханен полагается...» (ирмос 7-й песни канона Великой субботы³⁵). О существовании этой параллели между богослужебными текстами и духовными стихами свидетельствует и общий мотив невредимости: в стихе младенец, вверженный в пещь, остался цел; в богослужебных текстах отроки, спасенные из пламени, в пещи воспевают песнь Богу, погребенный Христос восстает из мертвых: «биен был еси, но не разделился еси слове, еяже причастился еси плоти: аще бо и разорися твой храм во время страсти, но и тако един бе состав божества и плоти твоей...» (1-й тропарь 6-й песни канона Великой субботы³⁶). Наконец, некоторые версии этого стиха содержат диалог, аналогичный диалогу стиха «Сон Богородицы»: «Невидимо сын божий прорече: / Милостивая жена милосердная! / Твое чадо не сгорело»³⁷. Во «Сне Богородицы» Христос обращается со словами утешения к Богородице, здесь к жене милосердной, как и в каноне Великой субботы прелагая скорбь в радость.

Подводя итоги, следует отметить сложность, неодномерность процесса преломления лингвистических мотивов в текстах стихов. Богослужебные фрагменты оказываются переплетенными с элементами апокрифического или мифологического происхождения, образуя вместе с ними нечленимое единство. Это единство возникает в результате взаимодействия фольклора и православия, отображающегося на разных семантических уровнях в художественном пространстве духовных стихов.

Примечания

¹ «Духовная поэзия существует у всех христианских народов; начало ее, конечно, надо искать в церковном песнопении Востока...», калики «должны были распевать с охотою как церковные песни, так и подражания им» (Кирпичников А.И. Источники некоторых духовных стихов // Журнал Министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1877. № 10. С. 134—137).

² Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947.

³ Савельева О.А. «Плач Адама»: Круг источников и литературная семья памятника // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 164—182; ее же. Структурные особенности краткой и пространной редакций «плача Адама» // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 152—165.

⁴ Никитина С.Е. Народная культура и языковое сознание. М., 1993.

⁵ Буслаев Ф.И. Русские духовные стихи // Буслаев Ф.И. О литературе: Исследования; Статьи. М., 1990. С. 300.

⁶ Тема Плача встречается и во многих других песнопениях Великой пятницы — стихирах на стиховне вечерни и т.д.

⁷ Отметим здесь, что на этот стих могли повлиять плачи, которыми была насыщена древнерусская литература (см.: Былинин В.К. Древнерусские плачи XI—XVI вв. // Музикальная культура Средневековья: Тезисы и доклады конференции: Вып. 2. М., 1991. С. 138—141); Плач Ярославны из «Слова о полку Игореве», «Рыдание на взятие великого града» цареградца Иоанна Евгеника, «Плачи на всю седмицу» Финогра Святогорца. Тема плача распространена и в покаянных стихах — Плач Адама о рае, Плач Каина, Плач Иеремии. Плачи мы встретим и в лингвистической литературе — погребальные и великостные песнопения (стихиры на по-

гребение, Великий канон Андрея Критского, стихиры недели мясопустной, и т.д.), также отображающиеся в духовных стихах (стихи покаянной тематики, стих о Страшном Суде: «Плачуся и ужасаю, / Егда он час помышляю»).

⁸ Стихи духовные / Сост. Ф. Селиванов. М., 1991. С. 77—80.

⁹ Триодь постная. М., 1992. С. 464—467.

¹⁰ Кирпичников А.И. Взаимодействие иконописи и словесности народной и книжной: ответ на 40-й вопрос программы VIII Археологического съезда // Труды VIII Археологического съезда в Москве в 1890 г. М., 1895. Т. 2. С. 213—229.

¹¹ Текст из Архива кабинета фольклористики музыкального училища им. Н.А. Римского-Корсакова, КП88/к19а1 (Санкт-Петербург).

¹² Некоторые исследователи полагают, что на эти стихи повлиял также ряд апокрифов: о трех крестных древах, о голове Адама, Сказание об Иуде предателе, о двух разбойниках, распятых со Спасителем (см., напр.: Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха: 10 // Записки Императорской Академии наук. Т. 45. Приложение. СПб., 1883; Порфирьев И. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб., 1890).

¹³ Стихи духовные. С. 77—80.

¹⁴ См.: Веселовский А.Н. Опыты по истории развития христианской легенды. Ч. III // ЖМНП. 1876, апрель. С. 356—357.

¹⁵ Порфирьев И. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. С. 81.

¹⁶ Диалог архангела Гавриила и Марии содержит также канон Благовещения; диалог можно обнаружить и в текстах духовных стихов (стихи «Иоасаф и Варлаамий»). Диалог учителя и ученика лежит в основе приведенного с Запада апокрифического сборника Луцидариус и т.д.

¹⁷ Стихи духовные. С. 69—70.

¹⁸ Триодь постная. С. 466—467.

¹⁹ Там же. С. 484.

²⁰ Энциклопедический словарь. СПб.: Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, 1901. Т. 31-а. Стлб. 720.

²¹ Варенцов В.Г. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. С. 166.

²² Апокрифы Древней Руси: Тексты и исследования. М., 1997. С. 80.

²³ Мотив хождения по мукам в эсхатологическом контексте, в более же общем плане сама тема путешествия в горний мир получила значительное распространение в апокрифической литературе: «Видение апостола Павла», ряд Откровений, «Видение Исаии».

²⁴ Апокрифы Древней Руси. С. 81.

²⁵ Стихи духовные. С. 80.

²⁶ Там же. С. 70.

²⁷ Именно по этой причине параллели могут возникать также между стихом «Сон Богородицы» и стихами о Страстях Христа. Так, достаточно сравнить приведенный выше фрагмент стиха «Во той в апостольской церкви...», в котором воспроизводится зрительный образ иконы Успения, и аналогичный фрагмент стиха «Плач Богородицы», приведенный выше: «В городе Русалиме / Стояла церквь муруванная / Моруванная побеленная / В середине ее престол стоял / А на престоле Христос лежал».

²⁸ См. кондак Великой субботы: «Сия суббота есть преблагословенная, в ней же Христос, уснув, воскреснет тридневен» (Последование во святую и великую неделю Пасхи и во всю Светлую Седмицу. Варшава, 1926. С. 5); экспостиларий Пасхи: «плотию уснув, яко мертв, царю и господи, тридневен воскресл еси» (Последование во святую и великую неделю Пасхи. С. 16).

²⁹ Стихи духовные. С. 70.

³⁰ Тихонравов Н.С. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2. С. 30.

³¹ Поэтому в стихах эсхатологической тематики могут также присутствовать великосубботние «мотивы», появление которых предопределено сюжетным параллелизмом между событиями Великой субботы и неделей мясопустной (знания природы, восстание от гробов мертвых, явление преображеного Христа): «Тогда земля потрясется, / Камение распадутся; / Тогда небеса погибнут / И звезды на землю спадут» (Стихи о Страшном Суде: Варенцов В.Г. Сборник русских духовных стихов. С. 204); ср. со стихом о Страстях: «И в то время земля потрясется / С верхнего края до нижнего, / Каменные горы распадаются, / Луна и солнце преложися» (Стихи духовные, с. 71); икосом Великой субботы: «...и звезды отложиша свет: земля же со многим страхом поколебася, и море побеже, и камение распадеся» (Триодь постная. С. 482—483).

³² Стихи духовные. С. 80—82.

³³ Варенцов В.Г. Сборник русских духовных стихов. С. 174; Стихи духовные. С. 67; Бессонов П.А. Калики перехожие. Сборник текстов и исследование. Вып. 1—6. М., 1861—1864. Вып. 4. С. 130.

³⁴ Стихи духовные. С. 68.

³⁵ Последование во святую и великую неделю Пасхи. С. 5.

³⁶ Там же.

³⁷ Бессонов П.А. Калики перехожие. С. 32.